

MAIN STREET

Коллекция «Деним»

ЭМБЕР СМИТ

ТАКОЙ Я БЫЛА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-12.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 50

Amber Smith
THE WAY I USED TO BE

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Foundry Literary + Media и Andrew Nurnberg Literary Agency

Смит, Э.

С 50 Такой я была: [роман] / Эмбер Смит; пер с англ. Ю. Змеевой. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (MAIN STREET. Коллекция «Деним»). ISBN 978-5-17-100449-1

Все, что казалось простым, внезапно становится сложным. Любовь обращается в ненависть, а истина — в ложь. И то, что должно было выплыть на поверхность, теперь похоронено глубоко внутри.

Это история о первой любви и разбитом сердце, о пережитом насилии и о разрушенном мире, а еще о том, как выжить, черпая силы только в самой себе.

Бестселлер The New York Times.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-100449-1

© 2016 by Amber Smith
© Перевод Ю. Змеевой
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Для тебя.
Для каждой из вас, кто когда-либо
чувствовал необходимость
начать жизнь заново.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Старшая школа.
Год первый

Я многого не знаю. Например, не знаю, почему не услышала, как с щелчком захлопнулась дверь. И вообще почему эту чертову дверь не заперла. Почему не почувствовала: что-то не так — что-то чудовищно не так — когда матрас просел под его весом. Почему не закричала, когда открыла глаза и увидела, что он забирается под простыню. И почему не попыталась бороться, когда у меня еще был шанс.

Не помню, как долго я потом лежала, приказывая себе: закрой глаза, зажмурься, просто попробуй забыть. Попробуй не думать о том, что кажется неправильным, обо всем том, что уже никогда не будет правильным. Гадкий вкус во рту, липкие влажные простыни, огонь, пронзающий бедра, тошнотворную боль, врезавшуюся в тебя, подобно пуле, да так и застрявшую внутри. Нет, плакать нельзя. Потому что плакать не о чем. Ведь это был всего лишь сон, плохой сон — кошмар. На самом деле этого не было. Не было. Не было. Не было. Вот о чем я думаю: этого не было, не было, не было. Повторяю эти слова, как мантру. Как молитву.

Я не знаю, исчезнут ли когда-нибудь эти картины, вспыхивающие у меня в голове, — словно смотрю кино о случившемся не здесь и не со мной. Закончится ли когда-нибудь этот фильм, перестанет ли он преследовать меня? Снова закрываю глаза, но все, что я вижу, чувствую и слышу — это его кожу, его плечи, его ноги, его руки — слишком сильные руки, и его дыхание на своей коже, напрягшиеся мышцы, хруст костей слабоющего тела и затихающую себя. Для меня существует только это. Больше ничего нет.

Не знаю, сколько часов проходит, прежде чем я просыпаюсь и меня встречают привычные звуки воскресного утра: грохот кастрюль и сковородок на плите. В щель под дверью просачивается запах еды — бекон,

блинчики, мамин кофе. Звуки из телевизора — холодный фронт, штормовое предупреждение в районе полудня — папа слушает прогноз погоды. Работает посудомойка. Как обычно, тявкает брехливая собачка из дома напротив. И почти неслышные удары мяча о запотевший асфальт, и мягкие подошвы кроссовок, шаркающие по дорожке. Подобно любому другому сонному бестолковому пригороду, наш сонный бестолковый пригород с трудом просыпается, мечтая о том, чтобы суббота была не одна, а хорошо бы две, с ужасом ожидая похода в церковь, выполнения списка необходимых домашних дел и утра понедельника. Жизнь продолжается, все как обычно. Нормальная жизнь. И я не могу отделаться от мысли, что жизнь будет продолжаться независимо от того, проснусь я или нет. Отвратительно нормальная жизнь.

Заставляя себя разлепить глаза, я еще не подозреваю о том, что механизм лжи уже запущен. Пытаюсь сглотнуть, но горло распухло. Как будто у меня инфекция. Наверное, заболела, говорю я себе. Похоже, у меня лихорадка, и я просто брежу. Мысли путаются. Касаюсь губ. Щиплет. И вкус крови во рту. Но нет, этого не может быть... Этого не было. И, глядя в потолок, я думаю: наверное, у меня серьезные проблемы, раз мне снятся такие вещи. Такие ужасные вещи про Кевина. Кевина! Ведь Кевин — лучший друг моего брата, а значит, и мне почти брат. Родители его обожают, да его все обожают, даже я, и Кевин никогда бы... он бы не смог. Это невозможно. Но потом я пытаюсь пошевелить ногами и встать. Ноги болят, как будто они сломаны. Все зубы ноют, как при остром кариесе.

Снова закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Опускаю руку вниз и касаюсь своего тела. Я без трусов. Быстро сажусь, и кости скрипят, как у старухи. Мне страшно смотреть, но они там, мои скомканные трусы-«неделька», валяются на полу. Трусы с надписью «вторник», хотя вчера была суббота — но какая кому разница? Вот о чем я думала, надевая их вчера. И теперь я уже не сомневаюсь, что это произошло. Это мне не приснилось. И боль вновь пронзает меня откуда-то из глубины, из самого центра моего тела. Я сбрасываю

простыню и покрывало; на руках и бедрах круглые синяки размером с теннисный мяч. И кровь. Кровь на простынях, на подушке, на моих ногах.

А ведь это воскресенье должно было быть самым обычным.

Я должна была встать, одеться и сесть за стол завтракать с родителями и братом. После завтрака быстро вернуться к себе и доделать домашнее задание, которое не закончила в пятницу вечером, уделив особое внимание геометрии. Повторить новую песню, которую разучивал наш оркестр, позвонить своей лучшей подруге Маре, а потом, может быть, пойти к ней в гости и сделать еще кучу других бессмысленных тупых вещей.

Но, сидя в кровати и ошеломленно глядя на свои заляпаные кровью ноги, я понимаю, что сегодня все будет по-другому. Я зажимаю рот трясущейся рукой.

В дверь дважды стучат. Я подскакиваю.

— Иди, ты проснулась?! — кричит мама. Открываю рот, но в глотку словно залили соляной кислоты. Мне кажется, я никогда больше не смогу произнести ни слова. Тук, тук, тук. — Иден, завтракать! — Я торопливо одергиваю ночнушку, но она тоже измазана кровью.

— Мам, — мне наконец удается выдавить из себя жуткий хрип.

Она открывает дверь, заглядывает в комнату и сразу видит кровь.

— О боже, — ахает она, проскальзывает внутрь и быстро закрывает дверь.

— Мам, я... — Как выговорить эти слова, худшие в мире слова, которые я должна произнести?

— О, Иди. — Она вздыхает и с грустной улыбкой поворачивается ко мне. — Ничего страшного.

— Как... — запинаясь, произношу я. Как это может быть? Что значит — ничего страшного, в каком таком мире это не страшно?

— Иногда месячные начинаются неожиданно. — Мама начинает суетиться, прибираться и едва смотрит на меня, объясняя про месячные, календари и подсчет дней. — Но у всех бывает. Поэтому я и говорила — нужно вести календарь. Тогда не будет таких... неожиданностей. И ты будешь готова.

Так вот, значит, что она подумала.

Я посмотрела достаточно фильмов и знаю, что мне нужно все рассказать. Нужно все обязательно рассказать, черт возьми.

— Но...

— Иди-ка прими душ, дорогая, — прерывает меня она. — А я пока займусь этим... — Мама обводит мою кровать широким жестом, подыскивая нужное слово, — ...беспорядком.

Беспорядком. О боже. Сейчас или никогда. Сейчас или никогда. Надо сказать сейчас.

— Mam... — начинаю я опять.

— Не смущайся, — смеется она. — Ничего страшного, правда. — Мама встает передо мной и кажется выше обычного; протягивает мне халат и совершенно не замечает трусы с надписью «вторник» у своих ног.

— Mam, Кевин... — говорю я, но стоит произнести его имя, и к горлу подкатывает тошнота.

— Не волнуйся, Иди. Он за домом с твоим братом. Играют в баскетбол. А папа смотрит ящик, как обычно. Никто тебя не увидит, иди. Надень халат.

Смотрю на нее снизу вверх и чувствую себя такой маленькой. А голос Кевина, точнее, его шепот, грохочет в голове, как торнадо: *«Тебе никто не поверит. Ты же знаешь. Никто. Никогда»*.

Его дыхание обжигает лицо.

Потом мама трясет передо мной халатом, и ложь, которую даже не пришлось выдумывать, начинает действовать. Она смотрит на меня привычным взглядом — раздраженным: мол, сейчас воскресенье, и у меня нет времени с тобой возиться. Намекает на то, что пора бы мне встать, чтобы она смогла разобраться с этим беспорядком. Теперь я понимаю: никто не собирался ни слушать меня, ни замечать, что со мной что-то произошло, — и он это знал. Он слишком часто приходил к нам домой, чтобы понять, как здесь все устроено.

Пытаюсь встать, не подавая виду, что все кости болят, как сломанные. Заталкиваю трусы под кровать, чтобы мама их не нашла и у нее не возникло вопросов. Беру халат. Принимаю ложь. И глядя на маму, которая срывает с кровати грязные простыни — улики — по-

нимаю, что если сейчас ничего не скажу, то не скажу уже никогда. Потому что он был прав — мне никто никогда не поверит. Ни за что. Никогда.

В ванной я аккуратно снимаю ночнушку и, держа ее на вытянутой руке, выбрасываю в мусорное ведро под раковиной. Поправляю очки и внимательно разглядываю себя в зеркале. На горле несколько бледных отметин в форме его пальцев. Но по сравнению с другими синяками они почти незаметны. На лице синяков нет. Только длинный шрам над левым глазом — это я два года назад упала с велосипеда. Волосы растрепаны чуть больше обычного, но в целом я выгляжу как всегда. Никто ничего не заметит.

Несмотря на то что я докрасна терла кожу мочалкой, наверное думая, что так можно стереть синяки, чувствую я себя по-прежнему грязной. Выйдя из душа, я сразу вижу его. Он сидит за моим кухонным столом в моей гостиной с моим братом, моим отцом и матерью и пьет апельсиновый сок из моего стакана. Его рот касается стакана, из которого мне когда-нибудь тоже придется пить. Вилки, которую вскоре будет никак не отличить от других вилок. Его отпечатки пальцев не только на каждом сантиметре моей кожи, но повсюду — в этом доме, в моей жизни, в моем мире. Весь мир им заражен.

Я с опаской вхожу в гостиную, а Кейлин поднимает голову и хмурится. Он все видит. Я знала, что он сразу поймет. Если кто и должен был понять, так это он, мой старший брат. Если на кого я и могу рассчитывать, так это на него.

— Ты что такая странная? Какая-то вся напряженная, — говорит он. Сразу понял, а все потому, что знает меня лучше, чем я сама себя знаю.

И вот я стою и жду, как же он поступит. Жду, когда он положит вилку и отведет меня в сторону, на задний двор, а там потребует объяснить, что со мной не так. Что произошло. И тогда я расскажу о том, что сделал со мной Кевин, а он в ответ успокоит меня, как обычно, и скажет что-то вроде: *не волнуйся, Иди, я с ним разберусь*. Он так всегда говорил, когда меня

кто-то обижал. А потом бросится в дом и зарежет Кевина его собственным ножом для масла.

Но все происходит не так.

Брат продолжает сидеть за столом и смотреть на меня. А потом на его губах вдруг возникает знакомая усмешка. Так мы улыбаемся, когда вспоминаем шутку, известную только нам двоим. И он ждет, что я отвечу, дам знак или засмеюсь — наверное, думает, что я хочу разыграть наших родителей. Он хочет понять, что я затеяла, но не понимает. Кейлин пожимает плечами, смотрит в тарелку и отрезает большой кусок блинчика. А я стою в коридоре, как замороженная, и чувствую, что пуля еще глубже вонзается в живот.

— Нет, правда, ты чего глаза так вытаращила? — говорит он с набитым ртом знакомым мне подтрунивающим тоном, за годы отработанным до совершенства: мол, ты самая тупая в мире сестра.

А Кевин — тот даже не смотрит на меня. Ни угрожающих взглядов, ни предупредительных жестов — ничего. Как будто ничего и не случилось. С тем же холодным равнодушием, что и всегда. Словно я для него по-прежнему придурковатая младшая сестричка Кейлина с растрепанными волосами и веснушками, ботанка-девятиклассница, которая играет в дурацком оркестре и вечно тащится позади со своим кларнетом. Только вот я уже не такая. Я точно не хочу быть такой. Наивной дурочкой, которая позволила сделать с собой такое.

— Ну же, Минни-мышка, — говорит папа. Минни-мышка — мое прозвище, потому что я такая тихая. Он окидывает жестом еду за столом. — Садись. А то все остынет.

И вот я стою перед ними — девочка-мышка в сползающих на нос очках с погнутой оправой, беспомощная перед четырьмя парами глаз, которые ждут, когда же я начну играть свою роль — стою и наконец начинаю понимать, зачем это все. Я понимаю, что предыдущие четырнадцать лет были всего лишь генеральной репетицией; все это время я готовилась к тому, чтобы теперь замолчать навсегда. Почти касаясь губами моих

губ, Кевин шептал: «Чтобы ни звука». Прошлой ночью это был приказ, команда, а сейчас это реальность.

Я поправляю очки. А потом с уханьем в животе, похожим на страх перед выходом на сцену, медленно и осторожно начинаю двигаться. Пытаясь притвориться, что все части моего тела внутри и снаружи не болят и не пульсируют, я сажусь рядом с Кевином, как делала много раз во время наших семейных завтраков. Ведь мы считали его частью семьи — сколько раз мама это повторяла? Мы всегда были ему рады. Всегда.

После завтрака дом затихает. Кейлин и Кевин уходят играть в баскетбол с друзьями из школьной команды. Папа отправляется в строительный магазин за каким-то особым ключом, без которого не прикрутишь новую душевую насадку — его рождественский подарок маме. А мама в своей комнате подписывает новогодние открытки.

Я же сижу в гостиной и смотрю в окно.

Разноцветная рождественская гирлянда на гараже судорожно мигает в сером утреннем свете. Небо занавесили многослойные облака; оно словно давит на меня. Громадный сдувшийся Санта-Клаус на заснеженной соседской лужайке раскачивается взад-вперед, танцуя свой медленный зловещий танец зомби. Я словно очутилась в фильме «Волшебник страны Оз» — в той сцене, где все из черно-белого становится цветным. Только у меня наоборот. Всю жизнь я думала, что мир вокруг цветной, а на самом деле он оказался черно-белым. Теперь я это вижу.

— Ты в порядке, Иди? — В гостиную со стопкой конвертов в руках вдруг входит мама.

Я пожимаю плечами, но, кажется, она даже не замечает этого.

Мимо знака «стоп» на углу проезжает машина; водитель даже не смотрит, переходит ли кто-нибудь улицу. Говорят, что большинство людей попадают в автомобильные аварии в радиусе менее полутора километров от дома. Наверное, потому, что все кажется таким знакомым и ты просто теряешь бдительность. Не замечаешь, что что-то вдруг изменилось, что-то не так. Не видишь опасность. Наверное, со мной произошло то же самое.

— Знаешь, что мне кажется? — произносит мама тоном, каким начала разговаривать со мной с тех пор,